

© 1996 г., ЭО, № 1

Л. С. Шейнбаум

ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ

...А эта пустоголовая юность, идущая нам на смену, как будто и не замечает тайн бытия. Ей недостает размаха и инициативы, и я вообще сомневаюсь, есть ли у них у всех чего-нибудь в мозгах...

Венедикт Ерофеев. Москва—Петушки

Очевидной приметой происходящих в нашей стране перемен можно считать возрастание социальной роли молодежи, тем более симптоматичное, что происходит оно на фоне усиливающегося «старения» населения, т. е. повышения удельного веса в нем категории лиц пожилого возраста. Одной из причин ведущего значения молодежи, говоря словами социологов, стало совпадение фазы ее взросления с переломными событиями в стране, «историческая приуроченность стадии вхождения ее в самостоятельную жизнь»¹.

Одновременно с внедрением представителей молодежных элит в лидирующие структуры в экономике, политике, искусстве повышается семейный и общественный статус подростков. Видоизменяется их прежняя роль «маргиналов», в которой превалировала функция подчинения власти родителей или учителей. Подростки стали пользоваться большей свободой и автономией в обществе, правом зарабатывать и тратить деньги. Соответственно взрослые меньше на них давят и больше считаются с их мнением. Их растущее влияние ощущается не только в поп-культуре, где подростки, или так называемые тинейджеры, попросту задают тон, но и в общем морально-политическом климате общества. Другими словами, в нашу жизнь приходит с запозданием то, что в современные западные общества вошло в конце 60-х — начале 70-х годов и что французский социолог Ж. Мендель назвал «деколонизацией» подростков².

Выходя из-под жесткого внешнего контроля и превращаясь в своего рода автономный возрастной класс, подростки все активнее влияют на межпоколенные отношения. На смену одностороннему усвоению со стороны подростковой возрастной группы культурных стереотипов и поведенческих норм взрослых, характерному для традиционных культур, в современные индустриальные и постиндустриальные общества пришла система сложных взаимоотношений с обратной связью. И хотя в своих суждениях и оценках подростки отталкиваются от мнений и поведения взрослых и не столько создают нечто качественно новое, несущее в себе другую реальность, сколько по-своему впитывают деяния и представления старших, они в массе своей легче, чем взрослые, воспринимая новации в культуре и становятся ее активными преобразователями.

Состояние подростковой субкультуры отражается на общественном самочувствии. Не случайно одни сравнивают сегодня подростков с зеркалом, в котором общество может рассмотреть свое критическое состояние, другие — с барометром, по которому можно судить, куда оно идет. Тем важнее для трансформирующегося общества лучше знать свое подрастающее поколение, спектр

ценностных приоритетов, в том числе значение этнических принципов в самосознании разных групп российских подростков.

Осмысление генезиса и развития этнического самосознания русских до самых последних лет велось в основном в историческом плане. Без внимания оставались многие важные элементы этого сложного феномена³. Что же касается интенсивного изучения этнического самосознания россиян в современных условиях⁴, то оно не приобрело пока характера системного этносоциологического или этнопсихологического исследования, вскрывающего структуру этнического самосознания и механизм его эволюции у разных возрастных групп. Между тем выделение подростков в специфический объект исследования поможет, на наш взгляд, выявить механизм формирования этнического самосознания россиян. Не только наука, но и общество в целом испытывает настоятельную потребность в такого рода исследованиях, которые должны противостоять расхожим и часто поверхностным представлениям о ментальности российских подростков.

Многочисленные «портреты поколения», которые тиражирует наша пресса, создают впечатление некоего монстра с незрелым сознанием, склонного к агрессии, к погоне за наживой и крушению общественных устоев. Журналистам нередко вторят социологи, заключения которых в отношении современных подростков сводятся подчас к излишне обобщенным и категоричным формулировкам типа: заниженность социальных амбиций, отказ от культуры взрослых, смена социальных идеалов и ориентиров, безыдейность — и потому выглядят, на наш взгляд, односторонне и необщедельно.

Эмпирические данные, полученные нами весной 1993 г. в результате пробного опроса старшеклассников в двух русскоязычных школах с целью высветить роль этнической составляющей в ментальности подростков, показали, насколько далеки осредненные характеристики от реального образа подростков.

Одна из обследованных нами школ находится в г. Реутово Московской области, другая — в поселке Приморский, на северной окраине г. Феодосия. Особенность последней в том, что в ней в основном учатся дети русских специалистов, живущих в городе, ставшем недавно вместе со всем Крымом частью суверенной Украины.

За 15 минут до звонка ученикам 9—11-х классов было предложено несколько идентичных вопросов, заданных в открытой форме, на которые нужно было дать письменно краткие, но мотивированные ответы. Сам характер анонимного опроса без применения формализованной анкеты позволил получить непосредственную, менее зависимую от устоявшихся точек зрения информацию, оставляющую место для нетривиальных суждений самих подростков (хотя при таком методе обработка информации существенно затруднена).

Состав опрошенных в обеих школах оказался соответственно на 97% и 93% русскоэтническим, что облегчило сравнение результатов опроса и учета фактора среды (в первом случае школа в России, во втором — на территории независимой Украины). Всего в опросе участвовали 184 учащихся: 108 в реутовской и 76 в феодосийской школе.

Переходя непосредственно к анализу полученных результатов, следует еще раз подчеркнуть, что проведенный опрос носил предварительный характер и не дает права на широкие обобщения. Тем не менее результаты его могут быть использованы в выработке рабочей гипотезы.

1. Первый вопрос — об отношении к своему народу — был задан в следующей формулировке: каковы, по-вашему, особенности национального характера вашего народа, его достоинства или недостатки.

Главное, что хотелось бы отметить в ответах реутовских школьников, это высокая степень стереотипности их суждений в отношении этнической самооценки: 74%, т. е. подавляющее большинство респондентов во всех обследованных классах реутовской школы, в представленных ими мифологемах русского характера отметили как достоинства, так и недостатки. Ответы, в которых

Набор наиболее часто встречающихся свойств русского характера

Позитивные качества	Негативные качества
Мужество, храбрость, сила, умение постоять за себя, величие духа	Бескультурье, грубость, воровство, алкоголизм
Любовь и преданность родине	Лень, неорганизованность
Терпение, выносливость, выдержка	Неуважительное отношение к природе
Простота, доброта, общительность, гостеприимство	Разобщенность
Отзывчивость, добродушие, миролюбие, великодушие	Излишняя доверчивость
Талант, остроумие	Терпимость к унижению властями
Трудолюбие	Стадное чувство подражания Америке и Европе
Язык, искусство, памятники архитектуры	

перечислены только достоинства или только недостатки, составили соответственно 10 и 13% от общего их числа.

В феодосийской школе разброс мнений шире. Здесь 43% опрошенных привели в качестве характерных обоюдные признаки, 28% — только положительные и 22% — только отрицательные. Сравнительно высокая доля односторонних, в частности негативных, оценок автостереотипа свидетельствует об инверсии этнического самосознания части феодосийских школьников как реакции на изменение статуса русских в Крыму, превращенных в этническое меньшинство в связи с самоопределением Украины. Это предположение подтвердилось в ответах феодосийцев на другой вопрос — об их отношении к украинцам, о чем речь пойдет ниже.

Суммируя набор наиболее часто встречающихся свойств воображаемого русского характера (в интерпретации самих респондентов и с соблюдением преобладающей в их ответах очередности признаков), можно представить его схематично в виде некой дихотомии (табл. 1).

Как и следовало ожидать, в большинстве ответов нашла отражение амбивалентность этнического самосознания русских подростков, бинарность их представлений о своем народе, подтверждающая противоречивость любого менталитета и альтернативность любого национального характера.

Не вдаваясь в подробный анализ схемы национального образа и частоты высказываний по всей ее структуре, отметим в целом, что при общей традиционности ценностных определений в ней ощутима дань времени. Прежде всего она проявилась в расширении спектра негативных самооценок.

Что касается меньшей части наших респондентов, давших односторонние, полярно расходящиеся оценки, то и они выступают в роли индикатора нашего расколотого общества. Если одни из них пишут, что русским присуще только «все лучшее», что «у русского народа больше достоинств, чем у других, и меньше недостатков», то другие, напротив, настроены крайне скептически и считают, что русские растеряли все или почти все свои сильные стороны. По словам реутовской девятиклассницы, у русского народа «в наше время достоинств осталось мало, если, конечно, не считать исторических». Похоже думает ученик 11-го (математического) класса феодосийской школы: «Достоинства: не очень много. С годами исчезают». Ему вторит семиклассница из той же школы: «Положительных черт русского народа я не знаю, но недостатков у нашего народа много».

Своеобразным возражением подобным пессимистическим взглядам звучит мысль другой реутовской девятиклассницы о том, что свои достоинства русский народ проявляет не в обычной жизни, а в экстремальных обстоятельствах, когда

«над Отечеством нависает угроза, когда народ понимает, что попал в безвыходное положение». В другое время они запрятаны вглубь, так что наружу выходят одни недостатки, которые «в повседневной жизни можно встретить везде: в магазине, в автобусе и просто на улице».

Несмотря на то, что, согласно методологической установке, отвечать приходилось спонтанно (вспомним цветаевское: «Самое ценное в стихах и в жизни — то, что сорвалось»), в каждом классе находилось несколько человек, которые успевали не просто перечислить те или иные черты, но коротко объяснить свою позицию. Авторы таких ответов избегали крайних оценок и потому отразили спектр мнений большинства: «Мне нравится душа русского народа, его широта и размах, которые у других народов не так проявляются»; «наш народ ничем не отличается от других, и я не считаю его таким великим, как нам рассказывали в детстве»; «все национальности одинаковые в том смысле, что у каждого народа есть свои достоинства».

Если учесть, что крайние оценки составили меньшинство, и судить по наиболее типичным ответам на первый вопрос, то они не обнаруживают деформаций в этническом самосознании. Несмотря на отмеченную новизну, ответы абсолютного большинства опрошенных говорят скорее о стойкости этнических автостереотипов, которые соответствуют архетипу русской ментальности. Перечень положительных качеств полнее, чем отрицательных; те и другие включают в основном набор стандартных оппозиций, верных своему историческому «коду».

С позиций людей старшего поколения, живших при тоталитарном режиме, этнические автостереотипы подростков покажутся непривычно самокритичными, но вряд ли содержащийся в них заряд негативности свидетельствует о глубоком кризисе этнической самооценки или об отказе от традиционной культуры. Как справедливо отметил в свое время известный этносоциолог И. Кон, преемственность поколений в отношении норм и ценностей всегда была селективной и зависела от темпов социально-исторического развития. То, что не соответствует изменившимся условиям, раньше всего отвергается или трансформируется следующими поколениями⁵. Правыми оказываются и наши философы, которые пишут сегодня об ослаблении и стирании таких черт, характеризовавших до сих пор русскую ментальность, как чувства изолированности, «законной гордости», мессианства⁶. Резкое изменение социально-экономических реалий и расставание общества с прежними утопическими иллюзиями сублимировалось в самовосприятии народа («новое мышление»), что уловили и усвоили подростки, подавляющее большинство которых не принимает сегодня самоидентификации русских как самого великого и непогрешимого народа.

Из характера опроса понятно, что в нашу задачу входил не столько строгий анализ содержательной структуры образа «русских», сколько выявление общих черт этнического автостереотипа подростков. В том, что приведенный перечень доминирующих признаков автостереотипа отличает сугубо российскую ментальность, мы лишний раз убедились, сравнив полученные данные с результатами «мими-опроса» среди группы студентов-первокурсников Национального университета Мехико. Расхождения в структуре этнических автостереотипов и в позитивной, и в негативной ее части оказались существенными, что, впрочем, соответствует дальности «культурной дистанции» между русскими и мексиканцами.

II. Дополнительные аргументы в пользу наших соображений о соотношении традиционности и новизны в этническом самосознании российских старшеклассников дает анализ ответов на второй, «корреляционный» вопрос об отношении к американскому народу.

Прежде всего бросается в глаза высокая степень согласия в общем мажорном восприятии американцев. В целом в обеих школах, т. е. в 10 из 11 обследованных классов, большинство опрошенных в качестве характерных черт американцев назвали лишь достоинства: 65% реутовцев и 80% феодосийских старшеклассников.

Перечень свойств мифологизированного американского характера

Достоинства	Недостатки
Культура общения, жизнерадостность, раскрепощенность	Деловой характер отношения к людям
Умение хорошо, богато жить, весело отдыхать	Жажда денег
Энергичность, предприимчивость, практичность, умение работать	Самонадеянность, наглость
Интеллект, образованность	Тупость, неглубокая культура
Уважение к личности, готовность помочь другим народам	Настырность, вмешательство во все конфликты
Бережное отношение к природе	Индивидуализм, замкнутость семей
Красота, умение модно одеваться, спортивность	Наличие безработных
Патриотизм	Несмешной юмор
Хорошие фильмы	

Абстрагируясь в данном случае от степени знакомства россиян с американской культурой, можно тем не менее заключить, что возросшая критичность в отношении неотъемлемых качеств своего народа согласуется у русских старшекласников с отказом от негативизма в отношении к американцам. Обе эти составляющие сегодняшней их ментальности взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

При этом красноречив сам перечень свойств мифологизированного американского характера, сгруппированных здесь по тем же принципам иерархии и наибольшей повторяемости признаков, что и для русских (табл. 2).

Напомним, что этот коллективный портрет следует оценивать с той поправкой, что большинство респондентов ограничились перечнем положительных качеств американцев. Частично это можно объяснить недостаточным опытом взаимодействия с ними или притягательностью для современной молодежи «имиджа „западных“ ценностей»⁷. Так или иначе большинство опрошенных противопоставляли американцев русским в качестве положительного примера и не скрывали этого: «Они всегда веселые, неунывающие, культурные, аккуратны относятся к природе, не так, как мы», «они культурные, умные, более свободные, чем мы. И у них все намного интересней». Более умеренные, т. е. те, кто наряду с достоинствами американцев отметили и их недостатки, писали: «Они такие же, как мы». Или: «Они хуже, не намного, но хуже русских». Но даже с учетом самых отрицательных отзывов полученный собирательный образ американцев мало напоминает тот карикатурный имидж, который был создан у нас в годы холодной войны. Только в очень немногих ответах встречаются образчики традиционных для прежней эпохи штампов восприятия русскими американцев как «мировых жандармов», тупо верящих в технический прогресс, девиз которых — «каждый сам за себя» и т. п.

При этом авторы крайних оценок в отношении собственного народа оказались категоричными и в ответах на второй вопрос, с тем же или с противоположным знаком. На одном и том же листке читаем о русских: «Наш народ самый дурацкий, у него одни недостатки», об американцах: «Больно деловые». На другом — о русских: «Несомненно самый великий народ в мире», об американцах: «Тупорылые ублюдки, все ради денег, вообще хилая нация, одна показуха». Или: русским присуще «все лучшее, что можно пожелать нормальным людям», американцам — «все худшее».

Как было отмечено, феодосийские школьники в целом отнеслись к американцам еще менее критично, чем реутовские. Есть нюансы и в самом перечне приоритетных качеств американцев. Среди них чаще фигурируют такие черты, как раскованность, раскрепощенность, самоуверенность. То и другое можно отнести за счет большей провинциальности школьников из-под Феодосии в сравнении с реутовцами, жителями столичной окраины. Поскольку действует общий для тех и других принцип оппозиционности, отталкивания от самовосприятия (то, что ценится у себя, приуменьшается у других и, напротив, то, что неприятно или болезненно воспринимается у себя, усиливается в других), по этим особенностям можно судить о том, что образует так называемый «нервный узел» проблематики национальной идентичности⁸.

Несколько достаточно типичных вариантов ответов феодосийских старшеклассников: 1) «русский человек очень сильный как физически, так и умственно. Вообще русский народ очень хороший во всех отношениях, но главный недостаток — это лень; американцы более свободный народ. Они себя одинаково чувствуют в любой обстановке (не скованно)»; 2) русский народ «грубый, озлобленный и т. д.»; американцы «культурные, воспитанные, незакомплексованные»; 3) «достоинства русских: патриотизм, широта натуры, выдержка. Недостатки: довольствуются тем, что есть, закомплексованы»; американцы «добродушные, без комплексов, щедрые». Усиление положительной окраски этнического стереотипа американцев — естественное явление в условиях нормализации политических отношений России и США. И если оценивать этот феномен без предвзятости, в контексте с другими ответами подростков, то он может свидетельствовать не столько о крушении идеалов, сколько об их сохранении и о стремлении им соответствовать, что всегда было характерной метафизической установкой юности.

III. Исходя из специфики этнополитической ситуации в Крыму, феодосийским старшеклассникам был задан дополнительный вопрос о национальном характере украинцев.

Ответы респондентов распределились следующим образом: 13% наделили украинцев только достоинствами, 32% — только недостатками и 48% — тем и другим вместе. Следовательно, вопреки близости так называемой «культурной дистанции» между русскими и украинцами, стереотип украинцев у опрошенных русских школьников в феодосийской школе оказался заниженным по сравнению с ожидаемой моделью и менее благоприятным, чем стереотип американцев.

Впрочем, по данным социологических исследований 1992 г., проведенных во Львове, Киеве и Симферополе, «драма самоопределения», выражающаяся в интрагрупповых и аутгрупповых оценках, в той или иной мере свойственна всей русской диаспоре на Украине и происходит из-за психологической сложности принятия русскими своей нынешней «вторичности»⁹.

Ситуативный характер «охлаждения» к украинцам подтверждается мотивацией подростками своих негативных оценок. К главным недостаткам украинцев большинство русских относят национализм, в частности навязывание русским украинского языка, которое воспринимается ими как ущемление своих прав. По словам одной девятиклассницы, «в школах идет заставление учить этот неродной язык», что вызывает в ее душе вспышку враждебности. Та же болезненная реакция звучит в ответах девушки из 11-го класса: «В общем-то наши народы всегда были похожи и дружны, но теперь, когда националисты сходят с ума и не дают нам покоя, прижимают со всех сторон и не дают даже дышать... у меня есть желание уехать... Но я не поеду, потому что Крым — мой родной дом, я здесь родилась и живу уже 16 лет и не хочу предавать его ожидания на мою помощь... Еще и потому, что именно этот переезд можно истолковать... как готовность стать на колени, а я русская».

И еще один убедительный пример динамичности этнических гетеростереотипов, социальной обусловленности смены позитивного восприятия русскими украинцев на негативное, в частности под влиянием этнополитической обста-

новки: «... Хотя я живу на Украине, но мне украинцы перестали нравиться, когда нас насильно заставили учить украинский и внушать, что Украина наша Родина и мы должны любить ее».

Все же больше половины русских респондентов в феодосийской школе оценивают украинцев позитивно, в том смысле, что это такой же народ, как русские, со своими достоинствами и недостатками, что они мало чем отличаются от русских, только говорят по-украински, любят сало и горилку; больше, чем русские, верят в Бога и чтут свои традиции. В одном из таких толерантных ответов даже пресловутый украинский национализм утратил негативную окраску: «Украинцы в основном ни в чем не отличаются от других, разве что любят сало. Народ, который добился своей независимости и не хочет упускать шанса стать свободным. Поэтому многим кажется, что у них проявляются черты национализма, но вообще это присуще любому народу».

В ответах на этот вопрос присутствует все тот же эффект отталкивания от автостереотипа, наложенный на субъективное мировоззрение. Как правило, те из подростков, кто серьезно озабочен вопросом национальности, дают однозначные, полярно заряженные оценки для авто- и гетеростереотипов. Они наделяют свой народ только положительными свойствами, а к другим испытывают неприязнь, подобно феодосийскому семикласснику, который на вопрос о русских написал: «Русский народ добрый, хороший, терпеливый, гостеприимный. Я русский, мой отец и моя мать русские, и я этим горжусь»; об украинцах: «трусливые, не как русские»; об американцах: «американцы суют нос не в свои дела». Сравним для наглядности ответы двух его одноклассников: 1-й (литовец): «Мой народ не отличается от других почти ничем, только он мирный, ни с кем не воюет»; «украинцы отличаются тем, что они при любых обстоятельствах веселые, гостеприимные»; «у американцев что-то общее с украинцами. Они такие же веселые и гостеприимные, и они верны своей вере в Бога». 2-й (русский): «У русских недостаточно доброты»; «я думаю, что украинцы такой же народ, как и русские»; «мне кажется, что американцы добрее, чем русские, и откровеннее». Как видим, в меру критичное отношение субъекта к собственному народу сопровождается терпимым, доброжелательным восприятием других. И наоборот, самовозвеличивание, слепая любовь к «своим» сопровождаются негативной установкой в отношении «чужих». Эта известная закономерность прослеживается по ответам довольно четко, подтверждая психодинамическую модель формирования межгрупповых отношений¹⁰.

IV. Достаточно продуктивным в качестве контрольного явился перекрестный опрос об этнических симпатиях и антипатиях. Конкретный анализ полученных ответов на него вывел бы нас за лимитированные рамки одной статьи. Ограничимся поэтому самыми общими замечаниями.

Хотя было специально оговорено, чтобы в этом вопросе не касаться своего народа, часть ответов из самой многочисленной категории (интернационалистов, характеризующихся уважительным отношением ко всем народам) начинались или кончались признанием в особой симпатии к русским: «Я испытываю симпатию к русскому народу, потому что я русская. А антипатию у меня никакой народ не вызывает»; «все народы вызывают у меня симпатию, но больше, русские — объяснить не могу» или: «я одинаково отношусь ко всем народам, но больше всего мне нравятся русские люди. Мне кажется, что они самые добрые и дружные». Старшеклассник, ответивший на предыдущий вопрос, что «русский народ такой же, как и все, но более разумный, чем украинский», признался на этот раз, что «русские один из народов, которому я более симпатизирую». Предпочтительное расположение к своему народу, к своей культуре не может быть опасным, пока признается равное право других на уважение.

При сравнении ответов на разные вопросы одних и тех же респондентов в ряде случаев обнаруживаются расхождения. Превознося свой народ над другими или проявляя непримиримость в отношении других, такие авторы одновременно утверждают, что «все народы одинаковы» или «я в принципе особых симпатий и

антипатий не испытываю, национальность роли не играет». Подобное противоречие говорит либо о естественной для подросткового возраста раздвоенности самосознания, об отрыве общих идеалов от небольшого жизненного опыта, либо о трудностях выбора нравственной позиции. Все же есть основание думать, что менталитет этих подростков не выходит за границы традиционных противоречий и не чреват экстремизмом.

Настроения расизма и национализма свойственны меньшинству, в среднем по двум школам порядка 25% от общего числа опрошенных. Разумеется, для благополучных стран это очень много. Но мы не знаем, какой эта цифра была у нас в прежние годы, когда нравственный климат в нашем обществе считался здоровым и национальный вопрос решенным, а на деле все обстояло иначе и антисемитизм в России явно присутствовал, особенно в негласной официальной политике.

Подтверждая в целом зависимость стереотипов этнического мышления от этнополитической и экономической ситуации, проведенный опрос показывает, что на данный момент все же у большей части опрошенных старшеклассников на первый план выступают не этнический экстремизм и предрассудки, а долговременные инварианты российской культуры, заключающиеся в толерантности по отношению к иным народам, в отзывчивости и всечеловечности.

V. Важность этнической или национальной составляющих менталитета подростков проявилась и в их ответах на последний вопрос: о желании уехать за границу, например в США, на постоянное местожительство.

Среди реутовских старшеклассников в этом вопросе обнаружилось редкое единодушие: 78% опрошенных ответили на него твердое и однозначное «нет», 20% высказали желание покинуть Россию и уехать жить в США или в Западную Европу. Остальные 2% колеблются между «да» и «нет», не зная, как ответить.

Полученные данные существенно расходятся с ответами на аналогичный вопрос: «Хотелось бы вам уехать жить за границу?» (по удачному совпадению заданный тоже старшеклассникам, но московских школ по программе Института системных исследований и социологии), опубликованными в 1994 г.: 16,5% — не задумываясь уехал бы; 21 — скорее уехал бы; 21 — не хочу жить за границей; 23,5 — скорее остался бы; 18% — затрудняюсь ответить.

Следовало бы принять во внимание полуторагодовой временной разрыв между двумя опросами, в течение которого в стране произошло много политических событий, но не наступило ожидаемого улучшения общей ситуации. И все же главная причина обнаруженных расхождений видится в менталитетах москвичей и подростков из Московской области.

Особый интерес в связи с этим представляет мотивировка респондентами своих ответов. Согласно социологическому обследованию московских подростков, склонными остаться в России, как правило, оказывались дети из семей среднего достатка, материальное положение которых можно определить словами: «Живем неплохо, но иногда денег не хватает»¹². Логично предположить, что среди желающих уехать москвичей преобладают выходцы из малообеспеченных семей, у которых денег вечно не хватает. Между тем в нашем исследовании, где опрашиваемые сами, без подсказки извне мотивировали свои ответы, такой зависимости не просматривается. Главное же состоит в том, что твердое нежелание подавляющего большинства покинуть навсегда Россию и переселиться в США или в другую страну связывается не с экономическим, а с этнонациональным фактором. Акцент при этом ставится на культурных различиях, на трудностях адаптации к чужим обычаям.

Приведем для наглядности доминирующие группы суждений реутовских «патриотов» в порядке убывания числа высказавших их.

1. «Я хотел бы туда съездить на несколько месяцев, но отнюдь не жить там, потому что там совершенно другая культура»; «нет, так как мне дорога та страна, где я родилась, ее культура, обычаи, традиции, природа»; «я бы хотела там просто побыть недолго, посмотреть страну, но жить я хотела бы здесь, так как вдалеке от своей страны трудно жить, потому что там все другое, другая жизнь, обычаи и

характеры людей»; «погостить — да, а насовсем я бы не хотела. Я бы не могла привыкнуть к их шумной жизни. Мне хорошо и в России. Да и кому мы там нужны»; «я не хочу уезжать из России, потому что у них иной образ жизни, чем у нас, и мне кажется, что я там буду чужой, и самое главное — здесь моя Родина»; «нет, так как неуютно в чужом обществе, в чужой стране, среди других людей, тем более среди других обычаев»; «не хотелось бы, так как я русская (корни не вырвешь)».

2. «Мне хотелось бы жить так, как в США. Но я не уехала бы никогда, так как считаю своей Родиной Россию и люблю ее»; «мне кажется, что ты должен жить там, где родился, и не бежать туда, где лучше, а делать все возможное для возрождения жизни в России»; «я согласна уехать, но только на некоторое время, так как свою страну покидать навсегда — это предательство»; «нет, мне здесь больше нравится, несмотря на трудности в экономике и политике страны»; «нет, Родину не продам. Какая бы она ни была»; «нет, я верю, что все будет по-другому, что такой произвол в стране будет недолго»; «нет, потому что здесь мои друзья, мой дом, моя Родина»; «нет, потому что я считаю, что Родина человека — незаменимый очаг его жизненного тепла и счастья».

3. «Конечно, съездить на некоторое время хотелось бы, но навсегда — нет. В гостях хорошо, а дома лучше. Просто я не смогла бы оставить родных, друзей»; «здесь все знакомое и здесь много друзей, которых никто не смог бы заменить».

4. «Нет, я там не приживусь, не выживу в их трудной жизни»; «нет, мне и тут хорошо, да и денег не хватает».

Даже предположив, что к искреннему пафосу ответов примешивается сознание реальных экономических возможностей (т. е. практической нереальности для большинства эмигрировать и благополучно устроиться на Западе), нельзя не видеть, что они отражают исконные, традиционные для национального менталитета русских чувства привязанности к родной земле, народу, к близким и друзьям, характерное именно для самосознания россиян преобладание эмоционального момента над рациональным.

Интенсивно окрашенная этнически позиция большинства респондентов в этом вопросе, при всем том, что ее нельзя рассматривать как неподвластную времени, расхожится с обобщенными результатами, полученными во Всероссийском центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), не выявившими существенной роли этнического фактора в самосознании молодого поколения. Согласно данным ВЦИОМ, в частности, молодежь на территории бывшего Советского Союза «не прочь уехать за рубеж (особенно самые молодые), чаще других осознает себя просто людьми, представителями своего поколения, членами своего кружка, жителями города, детьми своих родителей»¹³.

И хотя среди феодосийских старшеклассников, оказавшихся в еще более кризисных морально и физически обстоятельствах по сравнению с россиянами, доля утвердительных ответов на вопрос о желании покинуть СНГ выше, чем у реутовцев (31%), для большей их части, не помышляющей об эмиграции на Запад, характерны те же психологические детерминанты. Они предпочитают Крым и Россию, потому что там их Родина и там все свое.

Сходные мысли выражаются сходными словами: «Да, я уезжаю из Крыма в Россию учиться, но из СНГ уезжать я не хочу, во-первых, на меня будут смотреть как на второсортного человека (там, за рубежом), не сумевшего выжить в сложное время в России. И вообще, отъезд за границу я считаю предательством. Погоня за длинным рублем и поиски хорошей жизни не в моих планах и не в моем понимании смысла жизни»; «Крым может быть и да, из-за ужасного материального положения, ну а переехать на Запад — нет (я не настолько ненавижу свою страну, я знаю, что меня постоянно будет тянуть назад, где я среди своих)»; «нет. Почему — точно не знаю, просто люблю это небо, эти грязные улицы»; «попутешествовать — да, а на постоянное жительство — нет, это моя Родина. А так, были бы деньги — можно жить где угодно, но я предпочла бы Крым!»; «Украину хотела

бы покинуть. И СНГ тоже. Уехать на несколько лет в развитую страну, потом вернуться сюда с деньгами и всем прочим».

Судя по ответам на последний вопрос, подтверждается наше предположение о том, что, несмотря на кризисную ситуацию в обществе, этнонациональная составляющая самосознания российских подростков, в частности в группе старшеклассников, не утратила на данный период своего приоритетного значения. Наряду с явно наметившейся тенденцией к переоценке авто- и гетеростереотипов, в ментальности опрошенных нами старшеклассников сохраняются традиционные психологические детерминанты, необходимые для воспроизводства самобытной национальной культуры.

Надеемся, что привлечение репрезентативных данных для изучения этнического самосознания подростков поможет аргументировать высказанные здесь предположения и раздвинуть наше представление о потенциальных возможностях трансформации общества.

Примечания

- ¹ Советский простой человек//Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 239.
- ² Цит. по: *Montserrat M. Educacion y familia*//*Criterio*. Buenos Aires, 1976. № 1753/1754. P. 735.
- ³ Филиппов В. Р. Из истории изучения русского национального самосознания//Советская этнография (далее — СЭ). 1991. № 1. С. 31.
- ⁴ См.: Дробижева Л. М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика//СЭ. 1991. № 1. С. 3—13.
- ⁵ Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980. С. 73.
- ⁶ Российская ментальность (материалы «круглого стола»)//Вопросы философии. 1994. № 1. С. 44.
- ⁷ Советский простой человек... С. 249.
- ⁸ Там же. С. 148.
- ⁹ Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- ¹⁰ Баранова Т. С. Теоретические модели социальной идентификации личности//Социальная идентификация личности. М., 1993. С. 38.
- ¹¹ К перемене мест — охота?//Центр plus. 1994. № 39.
- ¹² Там же.
- ¹³ Толстых А. Попытка портрета поколения//Семья и школа. 1992. № 11. С. 14.

Ethnic component of the Russian Teenagers Self-Consciousness

The article is devoted to the issue that has so far received insufficient attention of social scientists. The analysis of responses received from two groups of high school students in the course of a recent survey shows that ethnicity remains one of the primary referents in the mentality of a significant number of Russian teenagers. The survey was focused on the teenagers' ethnic self-identification, as well as on their attitudes to other peoples and to some of the traditional Russian values.

L. S. Sheinbaum